

ДАНИИЛ ГАЛИЦКИЙ И НАЧАЛО ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТА СВ. ДАНИИЛА СТОЛПНИКА У РЮРИКОВИЧЕЙ

В именованном Рюриковичей личное крестильное имя *Даниил* до начала XIII в. ни разу не встречается. Первый и, возможно, единственный в домонгольский период случай представляет имя галицко-волинского князя Даниила Романовича, зафиксированное во множестве различных источников.

Современные исследователи уклоняются от ответа на вопрос, откуда в семье галицко-волинских князей появляется сразу несколько совершенно нехарактерных для Рюриковичей крестильных имен, среди которых — *Даниил*, *Ираклий*, *Лев*. Данный феномен, по заключению Н. Ф. Котляра, «в настоящее время не представляется возможным объяснить»¹.

Примерно к такому же выводу приходят А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский, рассмотревшие все известные ныне случаи использования мужских имен среди ближайших потомков Романа Мстиславича: «Имянаречение мальчиков в этой семье вообще отличалось редким своеобразием и не во всем было ориентировано на общединастический именован»². В отношении же имени старшего сына Романа Даниила названные авторы лишь констатируют невозможность определить происхождение столь нетипичного для Рюриковичей имени: «Мы не располагаем данными, в честь кого из святых с этим именем он был крещен»³.

Мы действительно не имеем прямых указаний в источниках (в особенности в письменных), в честь какого христианского святого получил свое имя Даниил Романович. Но это отнюдь не значит, что ответить на такой вопрос в настоящее время не представляется возможным. Разумеется, что при ответе на него нам придется обратиться к косвенным данным и сравнительным материалам⁴.

Почитание Даниила Столпника в семье великих князей московских

Если в домонгольский период случай наречения именем Даниил старшего сына галицко-волинского князя Романа Мстиславича является уникальным в практике имянаречения Рюриковичей, то в последующее время подобные случаи становятся регулярными, особенно в семье московских великих князей. Из многочисленных источников известно, что младший сын Александра Невского, ставший родоначальником династии московских князей, получил при крещении имя Даниил. Это же имя впоследствии носили сыновья практически всех московских великих князей XIV — начала XV в.:

- Даниил Иванович, сын великого князя Ивана Калиты, родившийся в 1319 или 1320 г. и умерший, вероятно, в молодом возрасте⁵;

¹ Котляр Н. Ф. Комментарий // Галицко-Волинская летопись. Текст. Комментарий. Исследование / Под ред. Н. Ф. Котляра. СПб., 2005. С. 187.

² Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X—XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006. С. 567—568, 573.

³ Там же. С. 533.

⁴ Нам уже приходилось обращаться к вопросу о происхождении и символике имени князя Ираклия Даниловича (см.: Майоров А. В. О происхождении и символике имени князя Ираклия Даниловича // Вопросы истории. 2011. № 3. С. 110—121). В настоящей работе мы остановимся на происхождении двух других «нетипичных» для Рюриковичей крестильных имен галицко-волинских князей — *Даниил* и *Лев*.

⁵ ПСРЛ. М., 2000. Т. X. С. 187; ПСРЛ. М., 2007. Т. XVIII. С. 89.

- Даниил Симеонович, сын великого князя Симеона Гордого, родившийся в 1347 г. и умерший, вероятно, в раннем возрасте⁶;

- Даниил Дмитриевич, старший сын великого князя Дмитрия Донского, умерший при жизни отца⁷;

- Даниил Васильевич, сын великого князя Василия I Дмитриевича, умерший в младенчестве⁸.

С большой долей вероятности мы можем определить, в честь какого христианского святого получали свои имена упомянутые московские князья, начиная с основоположника династии Даниила Александровича. Ряд известных ныне фактов прямо указывает, что в качестве патронального святого родоначальника московских князей, который сам был причислен к лику святых Русской Православной церкви, выступает св. Даниил Столпник⁹.

Так, изображение Даниила Столпника с соответствующей надписью представлено на печатях, атрибутируемых Даниилу Александровичу¹⁰. При своей жизни этот князь возвел монастырь, посвященный Даниилу Столпнику¹¹. Образ Даниила Столпника помещен в медальоне, который сопровождает изображение князя Даниила Александровича на фреске северо-западного столпа Архангельского собора Московского Кремля¹².

Существующий доныне в Москве на правом берегу Москвы-реки ставропигиальный Свято-Данилов монастырь (Даниловский вал, 22) сохранил свое древнее посвящение во имя прп. Даниила Столпника. Обитель, в которой ныне размещается синодальная резиденция патриарха Московского и всея Руси, считается старейшим монастырем Москвы и ведет свою историю от монастыря, возведенного св. Даниилом Московским¹³.

Первая обитель, посвященная Даниилу Столпнику, появилась в Москве на рубеже XIII–XIV вв. Тогда же в ней была утверждена первая архимандрития Московского княжества. После перевода ее в 1330 г. в кремлевский Спасо-Преображенский монастырь (Спас на Бору) Данилов монастырь запустел и был возобновлен только в 1560 г. по воле Ивана Грозного¹⁴.

Не только основоположник московской княжеской династии Даниил Александрович, но и другие московские князья, носившие имя Даниил, получили его в честь того же святого — Даниила Столпника. Такой вывод можно сделать в отношении почти всех известных ныне московских князей XIV — начала XV в. с именем Даниил¹⁵.

По свидетельству Симеоновской летописи, князь Даниил Иванович, сын Ивана Калиты и внук Даниила Московского, появился на свет 11 декабря 1319 г.¹⁶, т. е. непосредственно в день памяти св. Даниила Столпника. Такая же дата, по-видимому, содержалась и в Троицкой летописи, откуда была заимствована Н. М. Карамзиным¹⁷.

⁶ ПСРЛ. М., 2000. Т. IV. Ч. 1. С. 279; ПСРЛ. М., 2001. Т. VII. С. 214; ПСРЛ. Т. X. С. 219.

⁷ ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 360, 488; ПСРЛ. М., 2001. Т. VIII. С. 58; ПСРЛ. Т. XVIII. С. 24; ПСРЛ. М., 2004. Т. XXV. С. 218.

⁸ Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. СПб., 2002. С. 455.

⁹ См.: Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. С. 531–532. См. также: Флоря Б. Н. Даниил Александрович // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. XIV. С. 99–108.

¹⁰ Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1998. Т. III. С. 67, 166.

¹¹ ПСРЛ. Т. VII. С. 202; ПСРЛ. Т. X. С. 204; ПСРЛ. М., 2000. Т. XV. Вып. 1. Стб. 46.

¹² Самойлова Т. Е. Княжеские портреты в росписи Архангельского собора Московского Кремля: Иконографическая программа XVI в. М., 2004. С. 142, 146.

¹³ См.: Данилов во имя прп. Даниила Столпника московский монастырь // Православная энциклопедия. Т. XIV. С. 135–149.

¹⁴ Кучкин В. А. О дате основания московского Данилова монастыря // Вопросы истории. 1990. № 7. С. 164–166; Аверьянов К. А. Где находился древнейший монастырь Москвы? // Историческая география России: новые подходы. Сб. статей, посвященных 70-летию В. М. Кабузана. М., 2004. С. 20–48.

¹⁵ См.: Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. С. 532–534.

¹⁶ ПСРЛ. Т. XVIII. С. 89.

¹⁷ Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. С. 356.

День памяти прп. Даниила Столпника был днем, с которым так или иначе соотносятся даты рождения других московских князей с крестильным именем Даниил. К примеру, сын великого князя Василия Дмитриевича родился 6 декабря 1401 г.¹⁸, а сын великого князя Симеона Гордого родился 15 декабря 1347 г.¹⁹

Исходя из указанной практики, современные исследователи высказывают предположение, что и основатель московской династии, князь Даниил Александрович, получивший свое имя в память прп. Даниила Столпника, должен был появиться на свет в самом начале зимы, незадолго до 11 декабря²⁰.

Данилов монастырь в Угровске:

свидетельства письменных источников и новые археологические данные

В современной литературе мы не найдем объяснения причин распространения среди московских великих князей почитания св. Даниила Столпника, выразившегося в наречении именем Даниил великокняжеских сыновей на протяжении нескольких поколений подряд. Насколько нам известно, подобный вопрос вообще не поднимается.

В известной мере это можно объяснить тем, что сохранившиеся источники не содержат ясных указаний насчет возможных истоков культа Даниила Столпника в Москве в XIV в. Очевидно, что почитание этого святого в великокняжеской семье должно быть связано с памятью о родоначальнике династии Данииле Московском. Однако чем объяснить появление такого имени у младшего сына Александра Невского?

Точная дата рождения Даниила Александровича в источниках не зафиксирована. По мнению большинства исследователей, князь должен был появиться на свет в 1261 г.²¹ Значит, к этому времени в семье его отца должны были сложиться определенные предпосылки для будущего династического почитания св. Даниила Столпника.

Похоже, что такие предпосылки сложились еще ранее, в предыдущем поколении владимиристо-суздальских великих князей. Имя Даниил носил один из братьев Александра Невского, сын владимирского великого князя Ярослава Всеволодовича. Этот первый из известных в Северо-Восточной Руси князей с именем Даниил в источниках упоминается дважды: среди сыновей Ярослава Всеволодовича, уцелевших после нашествия Батые²², и в сообщении о собственной смерти в 1256 г.²³

Как уже отмечалось, вплоть до начала XIII в. имя Даниил на Руси не было княжеским. Первым в роду Рюриковичей это имя получил галицко-волынский князь Даниил Романович, ставший одним из самых могущественных и знаменитых князей Древней Руси. У нас есть все основания предполагать, что, как и в случае с московскими князьями конца XIII–XIV в., Даниил Романович получил свое крестильное имя в память прп. Даниила Столпника.

Можно с уверенностью утверждать, что именно в годы княжения Даниила Галицкого на волинских и галицких землях появляются явные следы почитания Даниила Столпника и распространения столпничества как формы христианского аскетизма.

Не может быть случайностью появление в Галицко-Волынской Руси во времена Даниила двух новых городов с весьма характерными названиями — Столпье и Данилов.

¹⁸ Там же. С. 455.

¹⁹ ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 279; ПСРЛ. Т. VII. С. 214; ПСРЛ. Т. X. С. 219.

²⁰ Борисов Н. С. Политика московских князей. Конец XIII — первая половина XIV века. М., 1999. С. 65.

²¹ Тихомиров М. Н. Древняя Москва XII–XV вв. Средневековая Россия на международных путях XIV–XV вв. М., 1992. С. 21; Борисов Н. С. Политика московских князей. С. 65; Флоря Б. Н. Даниил Александрович. С. 99.

²² ПСРЛ. М., 1997. Т. I. Стб. 521.

²³ ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 232.

Столпье впервые упоминается под 1204 г.²⁴, а в 1217 г. значится среди отвоеванных Даниилом у поляков городов западноволынской «Украины»²⁵. Данилов упоминается под 1240 г. в сообщении о неудачной попытке войск Батые овладеть городом²⁶. Древние городские укрепления локализованы вблизи хутора Даниловка Кременецкого района Тернопольской области на горе Троица²⁷.

Подобно Даниилу Московскому, построившему вблизи своей столицы Данилов монастырь во имя св. Даниила Столпника, обитель, посвященную этому же святому, несколькими десятилетиями ранее возводит и Даниил Галицкий, и, насколько можно судить, это был первый в Древней Руси монастырь, посвященный названному святому.

Сведения о построенном Даниилом Романовичем Даниловом монастыре находим в Галицко-Волынской летописи. Под 1268 г. летопись сообщает, что в городе Угровске на Западной Волыни уже существовал монастырь св. Даниила, в котором принял постриг и монашествовал обратившийся в православие литовский князь Войшелк: «Войшелк иде до Оугровьска в манастырь ко святому Данилю, и взя на ся чернецький порты, и поча жити в манастыре»²⁸.

Монастырь св. Даниила в Угровске впервые упоминается в известиях, относящихся к 1246 г. Тогда в Рим Даниилом Галицким было отправлено посольство для продолжения переговоров об условиях церковной унии. Возглавлял послов галицко-волынского князя игумен Григорий, которого папа Иннокентий IV в письме к майнцкому архиепископу Зигфриду III фон Эпштайну от 1247 г. именует «аббатом с Горы Святого Даниила»²⁹. По мнению современных исследователей, так в папской канцелярии называли монастырь св. Даниила Столпника в Угровске³⁰.

Под 1259 г. Галицко-Волынская летопись сообщает о завершении Даниилом Романовичем каких-то масштабных строительных работ в Угровске: «Данилови бо княжящю во Володимере, созда град Оугорескъ и постави во немъ пискупа»³¹. Поскольку впервые Угровск упоминается в летописи под 1204 г. и с тех пор фигурирует в ее сообщениях неоднократно³², в данном случае речь идет не о закладке города, а о строительстве князем Даниилом новых городских укреплений или укрепленной резиденции епископа. Наличие в Угровске епископа, а также тот факт, что игумен местного монастыря св. Даниила представлял князя на переговорах об унии с римским папой, свидетельствует о высоком церковно-политическом значении этого города во время правления Даниила.

В первой половине XIII в. Угровск играл особую роль в политике Даниила Галицкого. Возможно, князь даже имел планы сделать его своей новой столицей, но впоследствии выбрал для этой цели Холм. Во всяком случае, в правление Даниила Угровск, несомненно, играл роль административного центра русского Забужья³³.

²⁴ ПСРЛ. М., 1998. Т. II. Стб. 721.

²⁵ Там же. Стб. 732.

²⁶ Там же. Стб. 786.

²⁷ Раппопорт П. А. Данилов // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М., 1971. Вып. 125. С. 82–86.

²⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 867.

²⁹ «Gregorii abbatis de monte sancti Danielis...» // Historia Russiae Monumenta. St. Petropoli, 1841. Т. I. Nr. 75. P. 66–67. См. также: *Regesta Pontificum Romanorum inde ab A. post Christum natum MCXCVIII ad A. MCCCIV* / Ed. A. Potthast. Berolini, 1875. Т. II. Nr. 12689. P. 1069.

³⁰ Мицько І. З. Монастирі // Історія української культури: В 5-ти т. Київ, 2001. Т. 2: Українська культура XIII – першої половини XVII століть. С. 234.

³¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 842.

³² Там же. Стб. 721. В Галицко-Волынской летописи на протяжении 1204 (1207) – 1268 г. Угровск упоминается семь раз, что указывает на немаловажную роль города в XIII в. (см.: Там же. Стб. 721, 732, 754, 758, 842, 867).

³³ См.: Панишко С. Угровське князівство Данила Романовича // Король Данило Романович і його місце в українській історії. Мат-ли Міжнародної наукової конф-ції (Львів, 29–30 листопада 2001 р.). Львів, 2003. С. 58–65.

Долгое время местонахождение летописного Угровска оставалось не вполне определенным³⁴. Лишь во второй половине 90-х годов XX в. были получены убедительные археологические подтверждения существования древнего городища на правом берегу Западного Буга, в 2,5 км к западу от современного села Новоугрузское (Новоугрузьке) Любомльского района Волынской области, с высокой степенью вероятности отождествляемого с древним Угровском³⁵.

Одновременно с поисками города велись также поиски остатков располагавшегося в нем монастыря св. Даниила. В историко-краеведческой литературе XIX — начала XX в. приводится несколько записанных со слов местных жителей легенд о древней башне, построенной в Угровске князем Даниилом Галицким. Эта башня, именуемая Столпом, стала главным ориентиром в поисках следов монастыря св. Даниила³⁶.

В северной части открытого близ с. Новоугрузское древнерусского городища, у самого берега Западного Буга, выявлена укрепленная площадка мысовидной формы площадью около 2 га. В средней части мыса располагается урочище с характерным названием Столп или Столпово. В центре урочища в 1997 г. раскопаны фундаменты прямоугольной в плане каменной башни. Урочище Столп представляет собой насыпной земляной холм высотой 2,5 м и диаметром 40 м. Располагавшаяся в его центре башня имела периметр 7,4 X 9,3 м, при толщине стен 1,5–1,7 м. Кроме фундаментов сохранились остатки сложенных из брусчатого кирпича стен на высоту до 1,3 м. По ряду характерных признаков кирпич датируется второй половиной XIII в.³⁷

Построенный Даниилом Романовичем монастырь св. Даниила в Угровске, очевидно, должен был иметь посвящение святому, которого галицко-волынский князь почитал своим патрональным святым. Недавнее открытие на территории монастыря остатков каменной башни-столпа, возведенного на рукотворной насыпи посреди урочища, донныне сохраняющего название Столп, позволяет заключить, что упомянутый монастырь был посвящен св. Даниилу Столпнику³⁸. Именно этого святого почитал как своего небесного патрона тезоименитый ему галицко-волынский князь.

В Галицко-Волынской Руси в правление Даниила Романовича и его потомков было возведено несколько монастырских сооружений, подобных башне-столпу монастыря св. Даниила Столпника в Угровске. До нашего времени сохранилась пятирусная каменная башня близ Холма, в древнем городе с характерным названием Столпье. Эта башня, вероятнее всего, была частью Спасо-Столпьевского монастыря, ставшего резиденцией великой княгини Евфросинии после принятия ею монашества³⁹. Фундаменты еще одной башни-столпа обнаружены в Спасском монастыре под Старым Самбором⁴⁰.

³⁴ См.: Панишко С. До проблеми локалізації давньоруського Угровська // Київська старовина. 1997. № 5. С. 169–177.

³⁵ См.: Мазурик Ю., Остап'юк О. Археологічні дослідження літописного Угровська на Волині // Замосцько-Волинські музейні зошити. Zamość, 2003. Т. I. S. 45–60.

³⁶ См.: Е. М. Холмская православная епархия // Холмско-Варшавский епархиальный вестник, издаваемый при Холмско-Варшавской архиерейской кафедре. 1884. Год VIII. № 2. С. 23; Его же. Город Холм и его святыня // Холмский календарь на 1885 год. Холм, 1885. С. 69; Гербачевский Ф. Русские древности и памятники православия Холмско-Подляшской Руси. Варшава, 1892. С. 134; Любарский С. Село Угрусък Володавського повіту на Холмщині // Духовна бесіда. Варшава, 1925. № 17–18. С. 12; Ратнопорт П. А. Волыньские башни // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1952. № 31. С. 220.

³⁷ Мазурик Ю., Остап'юк О. Локалізація башти в літописному Угровську // Минувле і сучасне Волині й Полісся: край на межі тисячоліть. Матеріали X наукової історико-краєзнавчої конференції. Луцьк, 2002. С. 128–132.

³⁸ Кучинко М. М. Історія населення Західної Волині, Холмщини та Підляшшя в X–XIV століттях. Луцьк, 2009. С. 64–65.

³⁹ См.: Майоров А. В. Дочь византийского императора Исаака II в Галицко-Волынской Руси: княгиня и монахиня // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2010. № 1 (39). С. 76–106.

⁴⁰ Малевская М. В., Кос А. И., Рожко М. Ф., Шолохова Е. В. Архитектурно-археологические исследования во Львове и Львовской области // Археологические открытия за 1978 г. М., 1979. С. 360; Антипов И. В. Древнерусская архитектура второй половины XIII — первой трети XIV в. Каталог памятников. СПб., 2000. № III.6. С. 96–98.

Холмские башни-столпы XIII в. и их предназначение

Исследователи давно обратили внимание на удивительный феномен в архитектуре Галицко-Волынской Руси XIII — первой половины XIV в., практически не встречающийся в других русских землях. На территории Западной Волыни и Галицкого Прикарпатья к настоящему времени выявлено значительное число отдельно стоящих каменных башен-столпов, иногда являвшихся частью монастырских комплексов или расположенных в черте городов. Эти сооружения сохранились в основном в виде скрытых в земле фундаментов. Однако в некоторых редких случаях башни сохранились полностью, что позволяет изучить их архитектурно-конструктивные особенности и попытаться определить функциональное предназначение⁴¹.

Долгое время в литературе господствовало мнение, что упомянутые западноволыньские столпы представляют собой башни-донжоны военно-оборонительных комплексов, построенных по типу западноевропейских феодальных замков. Однако новейшие архитектурно-археологические исследования наиболее сохранившихся памятников, в частности башни в Столпье под Холмом, показывают, что предназначение подобных объектов могло быть совершенно иным. На верхнем (пятом) ярусе Столпьевской башни обнаружены остатки часовни, устроенной, несомненно, при строительстве столпа. Данное открытие показывает, что изначально башня была предназначена для отправления особого рода религиозных культов, связанных с идеями христианского аскетизма. Такие культы со времен раннего Средневековья были широко распространены на христианском Востоке и в Византии. Их выражением было столпничество, предполагавшее уединенное проживание, как правило, на вершине башни-столпа, в строгом посте и молитвенных бдениях⁴².

Похоже, Столпьевская башня не утратила своего изначального предназначения и спустя несколько столетий с момента постройки. Еще в середине XV в. в башне жил иеромонах-отшельник по имени Вавила, которого принял под свою защиту киевский митрополит и папский легат Исидор. В послании к старостам Холма от 27 июля 1440 г. Исидор разъясняет, что «попъ Вавила отъ светого Спаса отъ Столѣпа» не должен терпеть обид от местных жителей, покушавшихся на прилегающий к столпу сад, так как он в том столпе-церкви живет и «Бога молить о всемъ христианстве»⁴³.

Главным средоточием башен-столпов на Западной Волыни был город Холм, построенный Даниилом Романовичем в качестве новой столицы Галицко-Волынской Руси. В рассказе Галицко-Волынской летописи о постройке Холма упоминается «высокая вежа», возведенная князем Даниилом в центре города⁴⁴. Фундаменты этой постройки раскопаны П. П. Покрышкиным в 1910—1912 г. на Высокой Горке в Холме. Выстроенная в 30—40-е годы XIII в. башня представляла собой квадратное в плане сооружение (4,7 X 4,9 м) с круглым внутренним помещением (диаметром около 2 м) и толщиной стен 1,2—1,4 м. С юго-западной стороны к башне примыкало прямоугольное вытянутое в длину сооружение, идентифицируемое как княжеский дворец Даниила Галицкого, существенно перестроенный

⁴¹ Раппопорт П. А. Волыньские башни; Рожко М. Ф. Карпатські шляхи та їх охорона // Український історичний журнал. 1990. № 10. С. 92—93; Его же. Оборонно-житлові вежі в системі укріплень Галицько-Волинського князівства // Любецький з'їзд князів 1097 року в історичній долі Київської Русі / Відп. ред. П. П. Толочко. Чернігів, 1997. С. 152—153; Антипов И. В. Оборонительные башни «волинского типа» в системе укреплений городов Западной Руси // Поселения: среда, культура, социум. Мат-лы тематической научной конференции. Санкт-Петербург, 6—9 октября 1998 г. СПб., 1998. С. 193—197.

⁴² Подробнее см.: Zeszyt wieżowy w Stołpiu. Badania 2003—2005 / Pod red. A. Buko. Warszawa, 2009.

⁴³ Архив Юго-Западной России / Изд. временной комиссией для разбора древних актов при Киевском, Подольском и Волыньском генерал-губернаторе. Киев, 1883. Ч. I. Т. VI. № II. С. 5.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 844.

в конце XIII — начале XIV в. В ходе дальнейших раскопок комплекса княжеского дворца обнаружены фундаменты еще одной жилой башни, построенной в середине XIV в.⁴⁵

В 2 км к северу от Холма, у деревни Белавино, вплоть до Второй мировой войны сохранялись остатки стен каменной башни, возведенной на небольшой насыпи посреди труднопроходимого болота. В XIX в. местные жители называли эту башню Столп, а местность вокруг нее — Застолпье⁴⁶. В 1909 г. башня была обследована П. П. Покрышкиным, а в 1910—1911 г. отремонтирована. Уцелевшие фундаменты постройки неоднократно исследовались в 70—90-х годах XX в. Наружные размеры башни — 11,8 X 12,4 м при высоте около 18 м и толщине стен около 1,7 м. О возможном культовом предназначении сооружения свидетельствуют размеры и форма окон, устроенных в его верхнем ярусе. Эти окна значительно превышали размеры бойниц и представляли собой широкие (до 1,7 м) проемы с полуциркульным завершением, отделанные белым и зеленым тесаным камнем. На внутренней поверхности стен на уровне верхнего яруса были зафиксированы следы штукатурки и красочной росписи. Над увенчанным сводом верхним ярусом башни, вероятно, был устроен еще один ярус, представлявший собой открытую площадку⁴⁷.

Согласно местным преданиям, записанным в середине XVII в. холмским униатским епископом Яковом Сушей, в окрестностях Холма существовало еще несколько древних каменных столпов — в селах Спас и Чернеево. Исследователями предпринимаются попытки их идентификации с известными ныне объектами, не давшие пока убедительных результатов⁴⁸.

В соседнем с Холмом городе Люблине известна еще одна каменная башня-столп, строительство которой связывается с деятельностью Даниила Романовича. По сообщениям польских источников, в 1243 или 1244 г. Люблин на некоторое время был захвачен галицко-волинским князем, немедленно приступившим к строительству в Люблинском замке новой каменной башни. Так, в Рочнике Свентокшиском Новом читаем: «...русские в ряде нападений опустошают и поджигают Люблин и всю территорию; и начали строить для себя замок и поставили каменную башню»⁴⁹. Дополнительные подробности приводятся в Истории Яна Длугоса, уточняющего, что башня была построена Даниилом на территории Среднего замка и имела круглую форму: «Он (Даниил Романович. — А. М.), придя в Люблин, захватывает как замок, так и город, и присваивает и забирает всю землю Люблинскую и строит в Среднем замке круглую башню из обожженных кирпичей»⁵⁰.

Эта башня упоминается и в Галицко-Волинской летописи под 1287 г., в рассказе о том, как черский князь Конрад Земовитович, внук Конрада Мазовецкого, попытался захватить Люблин. Завидев во время переговоров с горожанами приближающееся вражеское войско, Конрад бежал и укрылся в каменной башне, где обитали монахи: «И выбеже Кондратъ во столпъ ко мнихомъ с бояры своими и с слоугами...»⁵¹.

⁴⁵ Антипов И. В. Древнерусская архитектура второй половины XIII — первой трети XIV в. С. 107—108. № IV.3; С. 133—135. № IV.16.

⁴⁶ Хрусцевич Г. Н. Белавинская и Столпьевская башни под Холмом // Памятники русской старины в западных губерниях империи / Изд. П. Н. Батюшкова. СПб., 1885. Вып. 7. С. 46—61; Батюшков П. Н. Холмская Русь. Исторические судьбы русского Забужья. СПб., 1887. Приложения. № 25. С. 36.

⁴⁷ Антипов И. В. Древнерусская архитектура второй половины XIII — первой трети XIV в. С. 138—141. № IV.18; Ruszkowska U. Chełm-Bielawin. U źródeł miasta // Badania archeologiczne o początkach i historii Chełma. Lublin, 2002 (Lubelski Wojewódzki Konserwator Zabytków w Lublinie).

⁴⁸ Хрусцевич Г. Н. Белавинская и Столпьевская башни под Холмом. С. 50; Pannonopt П. А. Волинские башни. С. 219—220.

⁴⁹ Цит. по: Pannonopt П. А. Волинские башни. С. 220.

⁵⁰ Jana Długosza Roczniki czyli Kroniki Sławnego Królestwa Polskiego. Warszawa, 1973. Ks. 7—8. S. 57.

⁵¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 910.

Из приведенного летописного известия следует, что построенная Даниилом в Люблине башня имела не столько военно-оборонительное, сколько сакральное предназначение: башня, именуемая столпом, была жилищем монахов, вероятно, приверженцев особого рода монашеского служения — столпничества. И только в минуту большой опасности князь Конрад со своими приближенными получил убежище в этом столпе.

До настоящего времени на территории Люблинского замка сохраняется круглая кирпичная башня, стоящая на мощном каменном фундаменте, которую большинство исследователей отождествляет со столпом Даниила Галицкого⁵². Архитектурные формы и техника кладки башни указывают на ее родство с архитектурой Мекленбурга и Хале. Это обстоятельство, в свою очередь, заставляет предполагать, что башня была возведена приглашенными в Люблин восточно-немецкими мастерами. Некоторые исследователи полагают, что Круглая башня Люблина, также именуемая Готической, могла быть построена в середине XIV в.⁵³

Следы почитания Даниила Столпника и покровительства столпничеству потомков Даниила Романовича

Не только Даниил Романович, но и другие члены семьи галицко-волинских князей проявляли себя покровителями столпничества и поддерживали культ св. Даниила Столпника.

Среди прямых потомков Даниила Галицкого имя Даниила носили его внук, галицкий князь Даниил Мстиславич, упоминающийся в летописи под 1280 г.⁵⁴, а также правнук, острожский и холмский князь Даниил Василькович (ум. около 1370 г.), ставший (вместе со своим отцом, слонимским князем Васильком Романовичем) родоначальником князей Острожских и Заславских⁵⁵.

Племянник Даниила Галицкого, волинский князь Владимир Василькович, знаменитый «книжник» и «философ», со смертью которого прекращается галицко-волинское летописание, также, несомненно, имел прямое отношение к почитанию св. Даниила Столпника и столпничеству вообще.

В летописном некрологе по случаю смерти князя впервые в древнерусском летописании упоминается имя прп. Даниила Столпника. Владимир скончался в день, когда отмечается память этого святого: «...опрятавше тело его, вложиша и во гробъ месяца декабря во 11 день на память святого Данила Столпника в соботу»⁵⁶.

В древнерусских месяцесловах XI—XIV в. под 11 декабря отмечается память нескольких христианских святых⁵⁷. Выбор среди них княжеским летописцем именно Даниила Столпника в связи с упоминанием о смерти Владимира Васильковича может свидетельствовать о том, что этот святой был каким-то особым образом связан с усопшим князем.

С Владимиром Васильковичем связано строительство двух самых больших из известных ныне на волинских и галицких землях каменных башен-столпов, вызывавших

---

⁵² Лонгинов А. В. Червенские города. Варшава, 1885. С. 145; *Его же*. Памятники русской старины в г. Люблине // Памятники русской старины в западных губерниях империи / Изд. П. Н. Батюшкова. СПб., 1885. Вып. 8. С. 239–240; Раппопорт П. А. Волинские башни. С. 220; Антипов И. В. Люблинская башня и западнорусская архитектура второй половины XIII в. // Староладожский сборник. СПб.; Старая Ладога, 1998.

⁵³ Koziejowski N. Romański charakter stylowy architektury wieży na zamku w Lublinie // Roczniki humanistyczne. Lublin, 1975. Т. XXIII. Z. 5.

⁵⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 881.

⁵⁵ См.: Войтович Л. В. Княжа доба: портрети еліти. Біла Церква, 2006. С. 509–510, 512.

⁵⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 919.

⁵⁷ См.: Лосева О. В. Русские месяцесловы XI—XIV вв. М., 2001. С. 221–222.

удивление даже у княжеского летописца. В посмертном панегирике Владимиру, помещенном в Галицко-Волынской летописи под 1289 г., воздается хвала князю в том числе за постройку им нового города Каменца, в котором был возведен невиданных размеров каменный столп: «Созда же (Владимир Василькович. — А. М.) въ нем (городе Каменце. — А. М.) столпъ камень высоту 17 сажени, подобень удивлению всем зрящим на нь»⁵⁸.

Этот необыкновенный столп почти полностью сохранился до наших дней и был неоднократно исследован учеными. Башня располагается на высоком берегу р. Лесны (приток Западного Буга) посреди искусственной насыпи. Диаметр круглого в плане сооружения достигает 13,5 м, а высота сохранившихся донныне стен — около 30 м при их толщине около 2 м. Внутри при помощи деревянных перекрытий башня была разделена на пять ярусов. На уровне четвертого яруса в наружной стене сохранились следы дверного проема и наружной площадки, на которой, вероятно, был устроен балкон⁵⁹.

В той же летописной похвале по случаю кончины Владимира Васильковича говорится о еще одном возведенном им каменном столпе, равном по высоте столпу в Каменце. Вторым столп Владимира Васильковича был выстроен неподалеку от первого — в городе Берестье: «...в Берестии же създа стлпъ камень, высоту, яко и Каменецкыи...»⁶⁰.

Остатки древней башни были полностью уничтожены в 1831 г. при строительстве Брестской крепости. По старинным планам города конца XVIII — начала XIX в., а также в ходе археологических раскопок неоднократно предпринимались попытки определить ее местонахождение, не давшие, однако, убедительных результатов⁶¹.

С конца XV в. известен располагавшийся возле Берестейского столпа монастырь во имя св. Симеона Столпника. Обитель впервые упоминается в привилее 1499 г., данном Берестью великим князем Литовским Александром Ягеллончиком, где о монастыре говорится как о «древнем», имевшем два храма: прп. Симеона Столпника и трапезный Благовещенский. В XVII—XVIII в. монастырь неоднократно переходил от православных к униатам и обратно. Во время Отечественной войны 1812 г. он сильно пострадал от пожаров и в 1824 г. был упразднен. В 1833 г. храмы и другие уцелевшие постройки монастыря были разобраны в связи со строительством Брестской крепости. В память о древней обители в 1865 г. в новой части Бреста был возведен Собор во имя св. Симеона Столпника, который в настоящее время является кафедральным собором Брестской епархии⁶².

Еще одна грандиозная каменная башня-столп была построена сыном Даниила Галицкого Мстиславом, княжившим на Волыни. Этот князь известен особым стремлением к увековечиванию памяти своих предков: он, в частности, возвел храм-усыпальницу во имя св. Иоакима и Анны над могилой своей бабки, великой княгини Евфросинии-Анны⁶³, а одного из своих сыновей назвал именем Даниил⁶⁴. Под 1291 г. в Галицко-Волынской летописи сообщается о начале строительства Мстиславом Даниловичем нового столпа в Черторыйске: «...в Черторыйскы в городе заложы столпъ камень»⁶⁵.

⁵⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 925.

⁵⁹ Батюшков П. Н. Холмская Русь. Исторические судьбы русского Забужья. Приложения. № 28. С. 39; Ратнопорт П. А. Волынские башни. С. 205–211; Ткачев М. А. Замки Белоруссии. Минск, 1987. С. 6–10; Антипов И. В. Древнерусская архитектура второй половины XIII — первой трети XIV в. С. 115–118. № IV.7.

⁶⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 927.

⁶¹ Ткачев М. А. Замки Белоруссии. С. 10–11; Лысенко П. Ф. Берестье. Минск, 1985. С. 57, 335; Антипов И. В. Древнерусская архитектура второй половины XIII — первой трети XIV в. С. 119–121. № IV.9.

⁶² См.: Паевский Л. Древний Брест и его храмы. Гродно, 1894; Зоненберг Х. История города Брест-Литовска, 1016–1907. Варшава, 1908.

⁶³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 937–938.

⁶⁴ Там же. Стб. 881.

⁶⁵ Там же. Стб. 938.

В 1961 г. П. А. Раппопортом был вскрыт фундамент башни на древнерусском городище в селе Старый Черторыйск Маневичского района Волынской области. Башня имела круглую форму, и ее диаметр достигал 13,5 м, т. е. был равен диаметру башни в Каменце. Обе башни полностью соответствуют друг другу и по строительной технике, вплоть до размеров кирпича. Исследователи полагают, что названные сооружения имели также одинаковую высоту и внутреннее устройство⁶⁶.

Похоже, что в XIII — первой половине XIV в. свою связь со столпничеством ощущали не только отдельные князья, состоявшие в близком родстве с Даниилом Галицким. Так или иначе, эта черта объединяла всех членов рода Романовичей, правивших как на Волыни, так и в Галичине.

Доказательством сказанному, очевидно, может служить широкий размах строительства в различных частях Галицко-Волынской Руси близких друг другу по своим основным архитектурно-конструктивным особенностям и функциональному предназначению башен-столпов, которые в литературе принято называть «башнями волынского типа».

Помимо уже рассмотренных нами примеров в настоящее время подобная башня известна в Турове. Время и обстоятельства ее сооружения не определены. Постройка не сохранилась до нашего времени, будучи разобранной в 30-е годы XIX в.⁶⁷

Несколько башен-столпов древнерусского времени выявлено в Галицком Прикарпатье — на территории современной Львовской области. Это сохранившиеся до нашего времени, но все еще остающиеся недостаточно изученными сооружения в Дрогобыче, Пятничанах (Жидячевского района) и Скеливке (Фельштине) (Старосамборского района). И. Р. и Р. И. Могитичи датируют их второй половиной XIII — первой половиной XIV в.⁶⁸

Родственные связи галицко-волыньских и московских князей и их общий патрональный святой в памятниках сфрагистики

Рассмотренные нами факты позволяют заключить, что как у московских великих князей в XIV — начале XV в., так и у галицко-волыньских князей в XIII — начале XIV в. почитание св. Даниила Столпника носило родовой характер, что регулярно проявлялось в княжеском именовании, а также в строительной и учредительной деятельности князей на протяжении нескольких поколений.

Члены обеих княжеских династий состояли в близком родстве, в первой половине — середине XIII в. скрепленном брачными союзами между их важнейшими представителями.

В 1250 г. дочь Даниила Галицкого была выдана замуж за владимирского великого князя Андрея Ярославича, брата Александра Невского⁶⁹. Новую чету лично венчал во Владимире близкий сподвижник Даниила митрополит Кирилл, который вслед за этим посетил Александра Невского в Новгороде⁷⁰.

С племянницей Даниила, дочерью черниговского князя Михаила Всеволодовича Феодулией, был обручен еще один брат Александра Невского, Федор Ярославич. После

---

⁶⁶ Раппопорт П. А. Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв. М.; Л., 1967. С. 142—146, 149; *Его же*. Древнерусская архитектура. СПб., 1993. С. 121; Антипов И. В. Древнерусская архитектура второй половины XIII — первой трети XIV в. С. 126—128. № IV.13.

⁶⁷ Ткачев М. А. Исследования памятников оборонного зодчества Белоруссии // Археологические открытия за 1971 г. М., 1972; Трусов А. О. Памятники монументального зодчества Белоруссии XI—XVII вв.: Архитектурно-археологический анализ. Минск, 1988. С. 103.

⁶⁸ Могитич І. Р., Могитич Р. І. Особливості техніки муровання і архітектурних форм галицько-волинського зодчества (X—XIV ст.) // Археологія. 1990. № 4. С. 62.

⁶⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 472. Подробнее см.: *Dąbrowski D. Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich*. Poznań; Wrocław, 2002. S. 147—153.

⁷⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 472—474, 476.

неожиданной смерти жениха княжна Феодулия приняла монашеский постриг под именем Евфросиния (вероятно, в честь своей бабки, «великой княгини Романовой») и прославилась многочисленными христианскими подвигами, став святой под именем Евфросинии Суздальской⁷¹.

Родственные связи с Даниилом Галицким, одним из наиболее могущественных русских князей середины XIII в., разумеется, должны были способствовать распространению почитания его святого покровителя среди великих князей владимирских. Однако начало этому распространению, очевидно, было положено в самом начале XIII в. и было обусловлено матримониальной политикой, проводимой матерью Даниила, великой княгиней Евфросинией.

В 1217 г. галицко-волынской княгине удалось женить своего старшего сына Даниила на дочери новгородского князя Мстислава Мстиславича Удалого Анне⁷². Тем самым Мстислав Удалой, знаменитый своими громкими военными победами, был втянут в борьбу за галицкий стол и вскоре стал новым галицким князем⁷³.

Женившись на Анне Мстиславовне, юный Даниил Романович породнился с будущим великим князем владимирским Ярославом Всеволодовичем, отцом Александра Невского и дедом Даниила Московского. Дело в том, что за три года до бракосочетания Даниила с Анной, в 1214 г., старшая сестра последней Ростислава Мстиславовна стала второй женой упомянутого Ярослава Всеволодовича⁷⁴. От этого брака родились сразу пятеро будущих великих князей владимирских: Михаил, Андрей, Александр, Ярослав и Василий Ярославичи⁷⁵.

Среди многочисленного потомства Ярослава Всеволодовича и Ростиславы Мстиславовны был также сын по имени Даниил (ум. в 1256 г.)⁷⁶. Этот первый известный среди князей Северо-Восточной Руси случай наречения именем Даниил, регулярно повторяющимся в последующих поколениях.

Можно думать, что Ростислава Мстиславовна, мать большого семейства, назвала одного из своих младших сыновей в честь святого, тезоименитого ее зятю, мужу родной сестры, который к середине 30-х годов XIII в. (предполагаемому времени рождения Даниила Ярославича) уже стал одним из самых влиятельных князей Юго-Западной Руси. В результате имя Даниил оказалось перенесенным в именослов владимирских, а затем московских великих князей.

Рожденный еще при жизни Даниила Галицкого будущий московский князь Даниил Александрович приходился последнему внучатым племянником по женской линии. Имя Даниил он мог получить не только в память своего рано умершего дяди, но также и в честь более знаменитого и еще здравствовавшего галицко-волынского родственника.

В настоящее время известно несколько типов свинцовых княжеских печатей с изображением св. Даниила Столпника. В литературе все они атрибутированы одному

⁷¹ Баумгартен Н. А. Вторая ветвь князей Галицких. Потомство Романа Мстиславича // *Летопись Историко-родословного общества в Москве*. М., 1909. Вып. 1 (17). С. 12 и след.; *Ego же. Généalogies et mariages occidentaux des Ruricides Russes. Du Xe au XIIIe siècle*. Roma, 1927 (Orientalia Christiana. IX. Ser. I. Nr. 35). P. 54–55; *Grala H. Drugie małżeństwo Romana Mścislawicza // Slavia Orientalis*. Warszawa, 1982. R. XXXI. № 3–4. S. 125; *Dqbrowski D. Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich*. Poznań; Wrocław, 2002. S. 52–53.

⁷² ПСРЛ. Т. II. Стб. 732. О времени заключения брака Даниила Романовича с Анной Мстиславовной см.: *Dqbrowski D. Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich*. S. 67–71.

⁷³ О княжении Мстислава Удалого в Галиче см.: *Майоров А. В. Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период*. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001. С. 437–479.

⁷⁴ ПСРЛ. Т. XLI. С. 131.

⁷⁵ См.: *Кучкин В. А. К биографии Александра Невского // Древнейшие государства на территории СССР*. 1985 г. М., 1986.

⁷⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 521; ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 232.

владельцу — московскому князю Даниилу Александровичу, связь крестильного имени которого с Даниилом Столпником считается установленной.

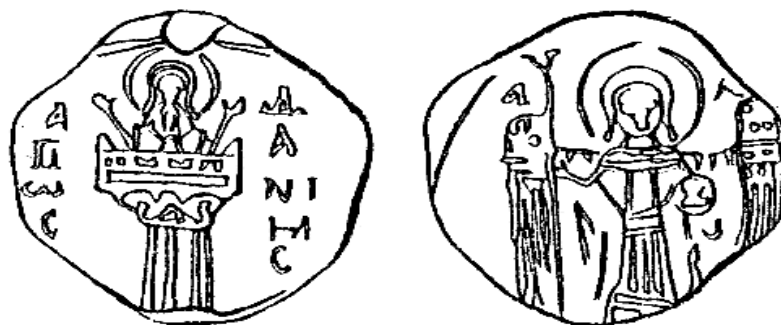
В. Л. Янин и П. Г. Гайдуков отмечают несколько разновидностей подобных печатей, найденных в Новгороде:

1) печати с изображением на одной стороне святого всадника и Даниила Столпника на обороте (Янин, Гайдуков. 401 в)⁷⁷;

2) печать с изображением Даниила Столпника на одной стороне и Христа Вседержителя на обороте (Янин, Гайдуков. 401 а, б)⁷⁸.

Как видим, описанные печати при совпадении одного из изображений (Даниила Столпника) совершенно не соответствуют друг другу изображениями на другой стороне, что едва ли позволяет атрибутировать их одному владельцу.

Кроме того, в 2002 г. во время археологических раскопок на городище в поселке Меджибож Летичевского района Хмельницкой области, отождествляемом с древнерусским Межибожьем, обнаружена еще одна печать с изображением св. Даниила, остающаяся пока неатрибутированной. На ее лицевой стороне помещены изображение св. Даниила на столпе и колончатая надпись, а на оборотной — изображение архангела в полный рост с жезлом в правой руке и со сферой в левой⁷⁹.

Печать Янин, Гайдуков. 233 Аа из древнерусского Межибожья с изображениями св. Даниила Столпника и архангела с жезлом и сферой (прорись худ. С. Л. Богаченко)

Нет никаких оснований атрибутировать вновь найденную печать московскому князю Даниилу Александровичу. Своим внешним видом и иконографией изображений она существенно отличается от приписываемых этому князю печатей, найденных в Новгороде. Кроме того, если для установления связи московского князя с Новгородом есть определенные основания⁸⁰, то доказать его связь с расположенным на границе Киевской, Галицкой

⁷⁷ Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. III. С. 67, 166. № 401 в-4,5,6,7; *Их же*. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2007 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород, 2008. Вып. 22. № 401 в-8.

⁷⁸ Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. III. С. 67, 166. № 401 а, б; *Их же*. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1997 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород, 1998. Вып. 12. № 401 б-3.

⁷⁹ Толкачев Ю. И., Моця Б. О., Радченко Р. И., Чакір С. В., Пінчак М. В. Археологічні дослідження в Меджибожі 2000—2002 рр. // Археологічні відкриття в Україні 2001—2002 рр. Київ, 2003. С. 278. Рис. 4. См. также: Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2002 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород, 2003. Вып. 17. № 233 Аа.

⁸⁰ Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. III. С. 67.

и Волынской земель Межибожьем не представляется возможным. В годы правления Даниила Московского Межибожье утратило свое прежнее политическое значение: вместе с другими городами Болоховской земли этот город пребывал под непосредственной властью золотоордынских ханов, а его жителей летописец именовал «людьми татарскими»⁸¹.

Наоборот, не составляет труда проследить тесные взаимоотношения с Болоховской землей и ее князьями галицко-волынско князя Даниила Романовича. На протяжении нескольких десятилетий болоховские князья не признавали власти Даниила и поддерживали его главных соперников в борьбе за галицкий стол — венгерского королевича Андрея-Младшего и черниговского князя Ростислава Михайловича. Под 1241 г. Галицко-Волынская летопись сообщает о разорении Даниилом Галицким Болоховской земли в отместку за враждебные действия местных князей⁸².

Ряд фактов указывает на непосредственные контакты Даниила с межибожскими князьями. Под 1227 г. Галицко-Волынская летопись сообщает, что Даниил и Василько, примирившись с бывшим луцким князем Ярославом Ингваревичем, дали ему в удел Межибожье, некоторое время перед тем пребывавшее под властью Романовичей⁸³. Под 1257 г. тот же источник повествует, как после нашествия на галицко-волынские земли хана Куремсы Даниил «поднял войну против татар» и с помощью воеводы Дионисия Павловича захватил Межибожье⁸⁴.

В свете приведенных выше данных, вскрывающих несомненную связь Даниила Галицкого и его потомков с почитанием св. Даниила Столпника и столпничества вообще, нам представляется, что наиболее вероятным владельцем найденной в 2002 г. на древнерусском городище в поселке Меджибож буллы с изображением Даниила Столпника следует считать галицко-волынско князя Даниила Романовича.

Еще до того как были построены Даниловский монастырь в Угровске и многочисленные башни-столпы в Холме и его окрестностях, Галицко-Волынская летопись приводит важное для нас свидетельство, иллюстрирующее особую сакральную связь Даниила Галицкого со столпничеством. В начале 1233 г., готовясь к решающей битве за Галич с венгерским королевичем Андреем-Младшим, Даниил просит помощи у Бога и св. Симеона: «...и поклонився Богу и святому Семеону, исполчивъ полкы свое»⁸⁵.

Очевидно, в данном известии речь идет о св. Симеоне Столпнике — знаменитом сирийском подвижнике, ставшем основоположником столпничества как особой формы христианской аскезы, духовном наставнике св. Даниила Столпника, лично благословившем его на подвиг столпничества.

Увлечение столпничеством византийского императора Исаака II

Каким образом культ св. Даниила Столпника мог возникнуть в семье галицко-волынских князей, откуда он затем перешел в семью великих князей московских и стал общим для Рюриковичей, выразившимся во множестве случаев имянаречения в честь названного святого? Источники, как нам кажется, позволяют получить ответ и на этот непростой вопрос.

Как мы уже видели, следы почитания Даниила Столпника и особого интереса к столпничеству так или иначе отмечаются в деятельности большинства известных ныне

⁸¹ См.: Дашкевич Н. П. Болоховская земля и ее значение в русской истории. Киев, 1876; Рамнопорт П. А. Города Болоховской земли // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М.; Л., 1955. Вып. 57.

⁸² ПСРЛ. Т. II. Стб. 791–792.

⁸³ Там же. Стб. 753.

⁸⁴ Там же. Стб. 838.

⁸⁵ Там же. Стб. 767.

галицко-волинских князей XIII — начала XIV в., принадлежавших к обеим главным ветвям потомства Романа Мстиславича — как к Даниловичам, так и к Васильковичам. Следовательно, истоки галицко-волинского столпничества восходят непосредственно к родоначальникам династии — галицко-волинскому князю Роману Мстиславичу и его жене, «великой княгине Романовой».

Именно со второй женой Романа и матерью Даниила Галицкого, греческой царевной Евфросинией-Анной, как нам кажется, должно быть связано появление в княжеской среде Древней Руси родового почитания Даниила Столпника, а также внешних атрибутов столпничества. Сказанное обусловлено монашеским воспитанием и специфическими традициями родительской семьи византийской принцессы, ставшей галицко-волинской княгиней.

По свидетельству Никиты Хониата, чрезвычайный, если не сказать беспрецедентный, интерес к столпничеству, вызывавший недоумение и даже некоторое осуждение окружающих, проявлял в годы своего царствования отец Евфросинии, византийский император Исаак II Ангел (1185–1195, 1203–1204 г.). Так, в разгар войны с мятежником Алексеем Враной Исаак впал в «малодушное расслабление», состоявшее в том, что царь, отстранившись от ведения войны, предался совместным молитвам с собранными им в большом числе монахами и столпниками, которых он поселил в своем дворце: «Набрав себе толпу монахов, которые ходили босыми и спали на голой земле, и поселив в свои царские палаты подвижников, возвышающихся над землею на столпах, царь просил Бога молитвами их укротить наступившую междоусобную войну и не попустить того, чтобы царская власть, быв отнята от него, перешла к другому; а о том, что непосредственно касалось войны, не заботился нисколько, возлагая все надежды на всеоружие духовное»⁸⁶.

Необычное пристрастие Исаака II к столпничеству проявилось в предпринятой им масштабной строительной деятельности, которой царь предавался с неистовым рвением, так, что при этом, по замечанию Хониата, «не смотрел ни на какие требования долга»: «...когда он решился построить еще во Влахернском дворце башню, частью, как говорил, для защиты и обороны дворца, а частью и для собственного помещения, то разломал несколько церквей, исстари спокойно стоявших по берегу моря, обратил в развалины множество отличных домов в столице, основания которых отчасти и доселе представляют вид, невольно вызывающий слезы, и совершенно сравнял с землею великолепное здание государственного казначейства, все выстроенное из обожженного кирпича»⁸⁷.

Широкое распространение столпничества в византийской столице на рубеже XII–XIII в. подтверждается свидетельствами западноевропейских источников. Согласно сообщению Робера де Клари, на захвативших Константинополь весной 1204 г. крестоносцев сильное впечатление произвели украшавшие город столпы, на вершине которых жили отшельники-столпники: «А еще в другом месте в городе было величайшее чудо: ибо там были два столпа, и каждый в толщину, наверно, с три обхвата и в высоту каждый имел с добрых 50 туаз; и на каждом из этих столпов, наверно, в маленьком укрытии пребывал какой-нибудь отшельник; а внутри столпов была лестница, по которой они туда взбирались. Снаружи этих столпов были нарисованы и вещим образом записаны все происшествия и все завоевания, которые случились в Константинополе или которым суждено было случиться в будущем»⁸⁸.

⁸⁶ Никита Хониат. История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. Т. II / Пер. под ред. проф. Н. В. Чельцова. СПб., 1862. С. 35–36.

⁸⁷ Там же. С. 119–120.

⁸⁸ Робер де Клари. Завоевание Константинополя / Пер., статья и коммент. М. А. Заборова. М., 1986. С. 66.

Приведенное описание дает ясное представление о внешнем виде и внутреннем устройстве константинопольских столпов, обжитых отшельниками, а также о пророческом предназначении этих «чудесных» сооружений, стены которых снаружи были покрыты вещами письменами и изображениями.

Описание Робера де Клари совпадает с изображениями столпа в произведениях византийского и древнерусского искусства, где он часто представлен в виде напоминающего колонну архитектурного сооружения, изукрашенного резьбой, с входным проемом у основания, через который видны ведущие вверх ступени, с венчающим сооружение навершием в виде чаши⁸⁹.

Агиографическая традиция о св. Данииле Столпнике и Льве Великом Царе

Зародившееся в среде сирийских аскетов-отшельников IV в. движение столпничества достигло столицы Византийской империи и получило официальное признание константинопольского патриарха и императора в значительной мере благодаря деяниям св. Даниила Столпника, одного из самых знаменитых христианских подвижников, жившего в V в.

Переселившись по велению своего духовного наставника св. Симеона Столпника в окрестности Константинополя, Даниил очень быстро обратил на себя внимание столичных жителей, непривычных к суровым формам христианского аскетизма. Судя по Житию Даниила, святой обладал чудесным даром исцеления и оказывал помощь всем страждущим. К нему обращались не только простые люди, но и сильные мира сего, в том числе император Лев I (457–474 г.). Последний в благодарность за исцеление от бесплодия своей супруги Верины повелел возвести для святого новый столп, а также построил рядом с ним монастырь и часовню, куда по просьбе Даниила перенесли мощи его учителя Симеона⁹⁰.

Авторитет Даниила Столпника простирался не только в духовной сфере. К исходу своей земной жизни святой приобрел огромное политическое влияние. В период смуты в империи, разразившейся в 475–476 г., поддержкой Даниила стремились заручиться и будущий император Зинон (474–475 г.), отец и соправитель скончавшегося в раннем детстве императора Льва II, и соперник Зенона, брат императрицы Верины Василиск (475–476 г.). Осуждая последнего за приверженность монофизитству, Даниил Столпник возглавил православную оппозицию и вместе с патриархом Акакием заставил Василиска отказаться от ереси. По просьбе патриарха Даниил сошел со столпа и прибыл в царский дворец для духовного наставления императора Василиска⁹¹.

Наиболее тесные отношения связывали Даниила Столпника с императором Львом I, почитавшим святого своим духовным отцом, а также советчиком и помощником в делах управления империей. Согласно Житию Даниила, Лев постоянно навещал святого, пешком добираясь до его столпа, посвящал Даниила в свои самые сокровенные тайны и даже просил быть посредником в переговорах с царем лазов Губазом. Когда же Лев, заколебавшись в своей вере, сблизился с еретиками, Даниил сошел со столпа, чтобы вразумить царя, и тот, раскаявшись, просил у него прощения. По желанию императора патриарх Геннадий рукоположил Даниила Столпника в пресвитеры, взойдя к нему на столп и совместно с ним причастившись⁹².

⁸⁹ Лукашевич А. А. Даниил Столпник. Иконография // Православная энциклопедия. Т. XIV. С. 128.

⁹⁰ Подробнее см.: *Delehaye H. Les Saints Stylites. Bruxelles; Paris, 1923; Festugiere A. J. Les moines d'Orient. Vol. 2: Les moines de la région de Constantinople. Paris, 1961.*

⁹¹ См.: *St. Daniel the Stylite // Three Byzantine Saints: Contemporary Biographies of St. Daniel the Stylite, St. Theodore of Sykeon and St. John the Almsgiver / Transl. by E. Dawes; introd. and notes by N. H. Baynes. London, 1948.*

⁹² См.: *Fox R. L. The Life of Daniel // Portraits: Biogr. Representation in the Greek and Latin Literature of the Roman Empire / Ed. M. J. Edwards, S. Swain. Oxford, 1997.*

Своими исключительными духовными подвигами, а также в силу огромного политического влияния на византийских императоров древние святые столпники, надо думать, пробудили интерес и почитание со стороны русских князей. В именовании Рюриковичей в XIII–XIV в. вошли имена не только св. Даниила Столпника, но и его не менее прославленного учителя св. Симеона Столпника, духовно наставлявшего императора Феодосия II Младшего (408–450 г.), а затем его вдову царицу Евдокию и нового императора Маркиана (450–457 г.), отвратившего двух последних от ереси монофизитства⁹³.

Имя Симеон в начале XIV в. появляется в именовании московских князей: 7 сентября 1317 г. родился великий князь Симеон Гордый⁹⁴, вероятнее всего, получивший крестильное имя в честь св. Симеона Столпника (память 1 сентября)⁹⁵. Среди волыньских князей XIV в., прямых потомков Романа Мстиславича, также известны князья с именем Симеон. К примеру, в синодике Киево-Печерского монастыря поминается сын холмского князя Юрия Даниловича Симеон (ум. в 1376 г.), приходившийся прапраправнуком Даниилу Галицкому⁹⁶.

Не только Даниил Столпник, но и его духовный сын император Лев I был причислен к лику святых греческой церковью. Под именем св. Льва Великого Царя он значится в византийских синаксарях XII–XIII в., где его память помещена под 20 января, а также в месяцеслове Синайского греческого Евангелия IX–X в., где его память отмечена под 16 января⁹⁷.

Сохранившиеся в византийской агиографической традиции сведения о взаимоотношениях св. Даниила со св. царем Львом как духовного отца и глубоко чтившего его сына, по всей видимости, должны были найти отражение в православном именовании, образуя соответствующую пару личных крестильных имен.

Можно предположить, что именно такой случай имел место в семье галицко-волинского князя Даниила Романовича, давшего одному из своих сыновей исключительно редкое у Рюриковичей имя Льва. Помимо Льва Даниловича в роду галицко-волинских князей известен еще один обладатель такого имени — луцкий князь Лев Юрьевич (1308–1323 г.), приходившийся правнуком Даниилу Галицкому⁹⁸.

Вполне естественно, что к выбору крестильного имени Льва Даниловича, как и к выбору имени его отца, могла быть причастна «великая княгиня Романовая», мать и бабка упомянутых князей. Подобное предположение уже высказывалось исследователями, доказывавшими византийское происхождение княгини⁹⁹. Другое объяснение для появления у галицко-волинских князей в первой половине XIII в. сразу нескольких мужских имен, заимствованных из греческого именователя и никогда прежде не встречавшихся у русских князей, трудно представить.

---

⁹³ См.: *Lent F.* The life of Saint Simeon Stylites: a translation of the Syriac text in Bedjan's *Acta martyrum et sanctorum*. Vol. IV. New York, 2009.

⁹⁴ *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. С. 355.

⁹⁵ *Лосева О. В.* Патрональные святые русских князей (летописи, месяцесловы, сфрагистика) // Восточная Европа в древности и средневековье. Генеалогия как форма исторической памяти. Мат-лы XIII чтений памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 11–13 апреля 2001 г. М., 2001. С. 127–130.

⁹⁶ *Войтович Л. В.* Княжа доба: портрети еліти. С. 513.

⁹⁷ *Сергий (Спаский), архим.* Полный месяцеслов Востока. М., 1876. Т. II. Святой Восток. Ч. I. С. 18.

⁹⁸ *Войтович Л. В.* Княжа доба: портрети еліти. С. 511.

⁹⁹ См.: *Dąbrowski D.* Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich. Poznań; Wrocław, 2002. S. 101–102.

**Эволюция византийского столпничества и усиление интереса
к св. Даниилу Столпнику на рубеже XII–XIII в.**

Со времен первых столпников — св. Симеона и св. Даниила — византийские императоры испытывали особое расположение и доверие к христианским подвижникам такого рода. Обращаться к столпнику, божьему человеку, за духовным утешением и помощью в мирских делах вошло в правило при императорском дворе. Особенно явственно подобная практика проявляется в ранневизантийский период¹⁰⁰.

Духовный авторитет древних столпников, имена которых упоминаются с прибавлением эпитета «великие», поддерживался церковью, и сами древние столпники внесли существенный вклад в распространение и торжество ортодоксального христианского вероучения. По настоянию Симеона Столпника император Маркиан, лично посетивший преподобного, созвал в 451 г. Четвертый Вселенский собор в Халкидоне, осудивший монофизитское учение¹⁰¹.

Еще один из древних столпников, последователей св. Симеона и Даниила, св. Симеон Столпник Младший Дивногорец (ум. около 592 г.) духовно опекал императоров Юстиниана (527–565 г.) и Юстина II (565–578 г.), о чем свидетельствуют сохранившиеся послания к ним. Письмо Дивногорца к Юстину II с требованием суровой кары надругавшимся над иконами самаритянам зачитывалось на Седьмом Вселенском (Втором Никейском) церковном соборе, созванном в 787 г. и высказавшемся против иконоборчества¹⁰².

Тем не менее в период иконоборчества столпничество пришло в глубокий упадок и практика его значительно сократилась. Правящие круги не только утратили интерес к столпникам, но и стали подвергать их жестоким гонениям. Феофан Исповедник рассказывает о жестокой казни «почтенного столпника» Петра, совершенной по приказу императора Константина V (741–775 г.)¹⁰³. В Житии св. Феодора Эдесского (ум. в 848 г.), много лет занимавшего епископскую кафедру в Эдессе, описывается приходящая в упадок местная община столпников¹⁰⁴.

После периода иконоборчества положение несколько изменилось: с конца IX в. движение столпников постепенно начинает возрождаться. В X в. прославился св. Лука, подвизавшийся на столпе в Халкидоне, где он простоял 45 лет. Св. Луку принято считать пятым в череде «великих столпников», особо почитаемых церковью. Вскоре, однако, эпоха византийского столпничества завершается: число столпников, а также лет, проведенных ими на столбах, неуклонно сокращаются. Не приходится говорить и о прежнем влиянии стилитов, связанных теперь в основном лишь с близлежащими монастырями¹⁰⁵.

К концу XII в. восточнохристианское столпничество насчитывало уже несколько веков своей истории и было представлено именами многих выдающихся подвижников. Однако прежний духовный авторитет столпников, а также их политическое влияние в империи были утрачены, ушли в прошлое случаи особого расположения и личного общения со столпниками императоров.

¹⁰⁰ Miller D. The Emperor and the Stylite: a Note on the Imperial Office // The Greek Orthodox Theological Review. 1970. Vol. 15. P. 207–212.

¹⁰¹ См.: Bibliotheca hagiographica graeca / Ed. F. Halkin. Brussels, 1957. Т. III. P. 1678–1688; Delehaye H. Les Saints Stylites.

¹⁰² См.: Bibliotheca hagiographica graeca. P. 1689–1691; Шестаков С. Житие Симеона Дивногорца в его первичной редакции // Византийский временник. СПб., 1908. Т. XV. С. 332–356.

¹⁰³ Theophanes. Chronographia / Ed. C. de Boor. Hildesheim, 1963. P. 442.

¹⁰⁴ Kazhdan A. Hermitic, Cenobitic, and Secular Ideals in Byzantine Hagiography of the Ninth through the Twelfth Centuries // The Greek Orthodox Theological Review. 1985. Vol. 30. P. 473f.

¹⁰⁵ Kazhdan A., Ševčenko N. P. Stylite // The Oxford Dictionary of Byzantium. New York; Oxford, 1991. Vol. III. P. 1971–1972.

Ввиду сказанного становится понятным то недоумение, с которым Никита Хониат описывал неожиданный интерес, проявленный к столпникам императором Исааком II, искавшим общества «подвижников, возвышающихся над землею на столпах». Исаак как бы стремился уподобить себя древним императорам, и прежде всего св. Льву, для которого св. Даниил Столпник стал не только духовным наставником, но и политическим советником.

Однако в своем религиозном рвении Исаак II явно превзошел предшественников, ибо не просто общался со столпниками посредством переписки или бесед во время личного посещения подвижников, но впервые в практике столпничества переселил отшельников в императорский дворец.

Сверх того император Исаак и самого себя, по всей видимости, считал причастным к этому движению. Во всяком случае, Никита Хониат, как мы видели, отмечает небывалое для византийских императоров стремление Исаака возводить грандиозные высотные башни, разрушая для этой цели множество общественных зданий и даже христианских храмов. Одну из таких башен Исаак начал строить прямо в царском дворце в Константинополе, «частью, как говорил, для защиты и обороны дворца, а частью и для собственного помещения».

Естественно предположить, что увлечения императора разделяли члены его семьи и другие приближенные. Похоже, на рубеже XII–XIII в. сложилось представление о существовании некой особой сакральной связи василевса со столпниками, а также о судьбоносной для императора роли столпов, на которых святые отшельники совершали свой подвиг. Едва ли было случайным решение крестоносцев казнить свергнутого ими императора Алексея V Мурчуфла, сбросив его с вершины столпа, где прежде обретался святой подвижник. Предложивший такой способ казни венецианский дож Энрико Дандоло находил его наиболее соответствовавшим положению византийского императора¹⁰⁶.

Есть основания считать, что в конце XII в. в Византии усиливается интерес к древним столпникам, стоявшим у истоков всего движения, и в частности к св. Даниилу, способствовавшему распространению столпничества в Греции. Так, концом XII в. датируется одно из наиболее ранних среди известных ныне изображений Даниила Столпника в христианском храме — фреска кафоликона монастыря Панагии Мавриотиссы в Кастории¹⁰⁷. В числе важнейших святынь византийской столицы монастырь Даниила Столпника отмечает русский паломник Добрыня Ядрейкович, посетивший Константинополь в 1200 г. По словам Добрыни, в Даниловском монастыре он видел даже нетленные мощи святого: «святой Даниль столпникъ на горе въ теле лежить»¹⁰⁸.

Роль «великой княгини Романовой» в распространении культов греческих стилитов и атрибутов столпничества на Руси

Нет ничего удивительного в том, что получившая воспитание в придворном монастыре старшая дочь императора Исаака II Евфросиния, став женой галицко-волынского князя, среди прочих привычек византийского двора своего времени принесла на Русь и повышенный интерес к столпничеству, а также к связанным с ним греческим святым, способствовала укоренению его среди русских князей.

Этим, на наш взгляд, объясняется возникновение семейного культа св. Даниила Столпника и Льва Великого Царя, следы которого нашли отражение в именовании галицко-

---

¹⁰⁶ Робер де Клари. Завоевание Константинополя. С. 76.

¹⁰⁷ Skarvan K. M. The development of Middle Byzantine fresco painting in Greece. Pretoria, 1982. P. 47, 180.

¹⁰⁸ Савваитов П. Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия. СПб., 1872. Стб. 177.

волинских князей, весьма отличном от общединастических традиций имянаречения у Рюриковичей, а также массовое строительство на западнорусских землях своеобразных архитектурных сооружений — многоярусных башен-«столпов», в целом нехарактерных для древнерусского зодчества.

Как и ее отец, император Исаак II, галицко-волинская княгиня Евфросиния, по видимому, ощущала свою личную причастность к столпничеству¹⁰⁹. Приняв монашество, она переселилась в специально выстроенный для нее монастырь в Столпье, в котором была возведена пятиярусная каменная башня-столп, сохранившаяся до нашего времени.

Новейшие исследователи обращают внимание на несомненную связь Столпьевской башни с подобными ей сооружениями, известными на территории Центральной Греции и относящимися к поздневизантийскому периоду. К примеру, на острове Эвбея и в Фессалии к настоящему времени выявлено более ста многоярусных каменных башен, строительство которых датируется преимущественно концом XII—XV в.¹¹⁰

Первоначально считалось, что эти объекты возникли под влиянием западноевропейских архитектурных традиций в эпоху Крестовых походов и владычества крестоносцев. Отсюда и принятое до недавнего времени в литературе обозначение упомянутых сооружений — «франкские башни» (the Frankish towers). Начиная с 80-х годов XX в. изучение византийских архитектурных памятников Центральной Греции приобрело планомерный и систематический характер. В результате накоплен значительный новый материал и пересмотрены многие сделанные ранее выводы¹¹¹.

В частности, установлено, что греческие башни поздневизантийского времени объединяют несколько характерных признаков. Прежде всего, башни возводились и принадлежали крупным аристократам-землевладельцам или монастырям, став своего рода знаком высокого общественного статуса и престижа для местной элиты¹¹².

Кроме того, ряд признаков позволяет квалифицировать такие памятники не столько как военно-оборонительные, сколько как сакральные сооружения. Более чем в 80 % случаев в непосредственной близости от башен (на расстоянии не более 3 км) располагались действующие христианские храмы, а иногда функцию храма выполняли и сами башни. И хотя в силу значительных утрат и перестроек исследование их верхних ярусов весьма затруднено, не вызывает сомнения, что некоторые из башен были увенчаны часовнями¹¹³.

Согласно выводам А. Буко, поздневизантийские башни, сохранившиеся на территории Центральной Греции, по своим основным архитектурно-конструктивным особенностям, строительным материалам и приемам строительства наиболее близкие параллели обнаруживают с древнерусской башней в Столпье и другими подобными башнями «волинского типа», созданными на западнорусских землях в XIII — первой половине XIV в.¹¹⁴

¹⁰⁹ Во времена расцвета столпничества на христианском Востоке и в Византии известны случаи участия в этом движении женщин, в том числе представительниц аристократических родов (см.: *Analecta Bollandiana*. Bruxelles, 1908. Vol. 27. P. 391f).

¹¹⁰ См.: *Langdon M. K.* The mortared towers of Central Greece: an Attic supplement // *Annual of British School of Athens*. 1995. Vol. 90. P. 498.

¹¹¹ См.: *An essay on Byzantine fortification: northern Greece 4th — 15th c.* Thessaloniki, October 2001 — January 2002. Exhibition catalogue. Ministry of culture (9th Ephorate of Byzantine antiquities of Thessalonike) / Ed. by Ch. Bakirtzis, Ph. Oreopulos. Athens, 2001.

¹¹² *Langdon M. K.* The mortared towers of Central Greece: an Attic supplement. P. 498.

¹¹³ *Ibid.* P. 499.

¹¹⁴ *Buko A.* Zespył wieżowy w Stołpiu w świetle wyników najnowszych badań // *Zespył wieżowy w Stołpiu*. Badania 2003—2004. Praca zbiorowa pod redakcją A. Buko. С. 326—329.

Особое внимание исследователь обращает на следующий факт, подчеркивающий сакральное значение названных объектов. Для башни в Столпье, как и для византийских башен в Центральной Греции, характерны следы специально пробитых в толстых стенах нижнего яруса или у основания башни небольших узких окошек, которые часто принимали за бойницы для ведения ближнего боя. Новейшие данные показывают, что в этом случае мы имеем дело с другим, совершенно нетипичным для оборонительной башни явлением. Оконца в подножье башни представляли собой наружные отверстия для подачи воды из подземного источника, почитаемого священным и целительным. Такой источник до нашего времени сохранился у подножья Столпьевской башни и некоторых других памятников¹¹⁵.

---

¹¹⁵ Ibid. S. 328. См. также: *Buko A. Stolpie. Tajemnice kamiennej Wieży. Warszawa, 2009.*